

© М. Бланшар

ЕВРОПЕЙСКОЕ ГРАЖДАНСТВО, ИТАЛЬЯНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОФИЦИАЛЬНЫЙ МИФ “ВОЗВРАЩЕНИЯ”: АРГЕНТИНЦЫ И ЧИЛИЙЦЫ – ПОТОМКИ ИТАЛЬЯНСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Ключевые слова: возвратная миграция, национальная принадлежность, европейское гражданство, Чили, Аргентина, Италия

На основе этнографического исследования в итальянской провинции Трентино автор анализирует, что означает европейское гражданство для аргентинцев и чилийцев итальянского происхождения, эмигрирующих в Италию – то есть в Европу – благодаря наличию у них итальянского гражданства, унаследованного от предков. Рассматриваются практики и представления, связанные с двойной национальной принадлежностью, а также различные уровни коллективного членства, возникающие в эмиграции. Автор демонстрирует, каким образом обладание европейским гражданством способствует возобновлению эмиграции из Италии, в которую оказываются вовлечены и потомки итальянцев из Латинской Америки. Эта мобильность ведет к пересмотру европейской миграционной политики, смещая ее фокус с закрытия границ на “избирательную иммиграцию”. Таким образом, в статье поднимается вопрос о постоянном переопределении границ между “своими” и “чужими” в Европе.

Несколько миллионов европейских граждан живут сегодня на американском континенте. Наиболее многочисленны среди них итальянцы по национальности. По состоянию на 31 декабря 2018 г., согласно Регистру итальянцев, проживающих за рубежом (AIRE), в обеих Америках их было 2 млн 123 тыс. 680 чел., в том числе 842 тыс. 615 чел. в одной только Аргентине – первой зарубежной стране по числу живущих в ней итальянцев. В Чили на тот же момент их было всего 59 тыс. 915 чел. (Ministero dell’Interno 2019). К этим цифрам следует добавить потомков итальянцев, не получивших гражданство Италии, а также не предоставивших сведения о себе для внесения в регистр (это делается добровольно). Граждане Италии, живущие за рубежом, автоматически являются гражданами Евросоюза и пользуются теми же правами, что и граждане

Мелисса Бланшар | <https://orcid.org/0000-0002-8061-3629> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | melissa.blanchard@univ-amu.fr

Статья впервые опубликована в журнале “Ethnologie française”, 2020, L (3): 545–558. На русском языке публикуется с согласия автора и редакции журнала.

Для цитирования: М. Бланшар. Европейское гражданство, итальянская национальность и официальный миф “возвращения”: аргентинцы и чилийцы – потомки итальянских эмигрантов. // Антропологии/Anthropologies. 2021. № 1. С. 78-96. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/78-96>.

других европейских стран. Но что означает итальянское и европейское гражданство для итальянцев, родившихся в Аргентине или Чили?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассмотрим случай чилийских и аргентинских граждан, получивших итальянское гражданство в соответствии с принципом права крови, въехавших в Италию и поселившихся в регионе Трентино. Юридически этот регион – Автономная провинция Тренто, обладающая существенной законодательной и финансовой независимостью. В 2019 г. его населяли 541 тыс. 98 чел. (ISPAT 2019), и несколько десятков тысяч выходцев из Трентино жили за рубежом. Действительно, как и многие другие регионы Италии и альпийской зоны (Viazzo 1998), в XVIII и XIX вв. Трентино столкнулся с массовой эмиграцией, что привело к депопуляции долин и селений (Groselli 2000). В поисках лучшего будущего эмигранты отправлялись как в европейские страны, так и за океан – от Канады до Латинской Америки. Председатель финансируемой регионом организации, занимающейся эмигрантами из Трентино, утверждает: “По оценкам, в мире сейчас живет около миллиона трентинцев: вдвое больше нынешнего населения региона. Большая их часть живет в Латинской Америке – Бразилии, Аргентине, Чили, Парагвае. Там сегодня есть трентинцы в пятом, шестом поколениях”.

С 1980-х гг. экономика Трентино начала интенсивно развиваться благодаря индустрии туризма, и постепенно регион стал очень привлекательным как для внутренней, так и для международной миграции. В этот же период возвращение эмигрантов, и прежде бывшее заметным в миграционной системе провинции (Blanchard 2017), начинает учащаться. Это “обратное” движение продолжается с 1990-х гг. до настоящего времени. В юридических документах бывшие эмигранты и их потомки называются возвращенцами, и провинция оказывает им финансовую помощь в обустройстве при условии наличия у них итальянского национального паспорта. Получить его – не проблема, поскольку, согласно национальному закону о гражданстве, основанному на праве крови (*jus sanguinis*), потомки эмигрантов в любом поколении, рожденные за границей, могут стать гражданами при условии, что их прямой предок покинул Италию после ее объединения в 1871 г.

С момента принятия в 1980-х гг. этих установлений несколько десятков тысяч человек “вернулись” в Трентино из Латинской Америки. Что это за люди – иностранные граждане, которые, говоря административным языком, “возвращаются” в Италию и, следовательно, в Европу и пользуются здесь всеми правами граждан ЕС? Правомерно ли говорить о “возвращении” применительно к гражданам латиноамериканских государств, оказавшимся в них в результате “великой эмиграции”, затронувшей Старый свет в прошлом и позапрошлом веке, и впервые становящимся европейскими гражданами?

На этот вопрос я попытаюсь ответить, основываясь на этнографическом исследовании в Трентино, проходившем в два этапа: первый – между 2010 и 2012 гг., второй – в 2019 г. В процессе исследования я собирала жизненные истории и наблюдала за повседневной жизнью трех десятков потомков эмигрантов, прибывших из Аргентины и Чили. В центре моего анализа в настоящей статье будут четверо внуков эмигрантов в возрасте от 20 до 40 лет и трое детей эмигрантов в возрасте около 50 лет. Сначала я покажу, что означает быть итальянцем и европейцем для аргентинских и чилийских потомков эмигрантов, временно или надолго поселяющихся в Италии. Затем я рассмотрю опыт “возвращения” этих “новых мигрантов” в Трентино, где они сталкиваются с конструированием новых символических границ. Наконец, я более детально проанализирую соотношение между итальянской национальностью, европейским гражданством и чувством коллективной принадлежности, что позволит поставить под сомнение понятие “возвращение”, употребляемое в административном дискурсе.

Что значит “быть итальянцем“ для уроженца Латинской Америки?

Утилитарное понимание: паспорт “на выбор”. Отвечая на вопрос о том, что означает для них итальянское гражданство, потомки эмигрантов в первую очередь говорят о тех правах и преимуществах, которые оно предоставляет чилийским и аргентинским гражданам, имеющим право претендовать на него. Марио, внук эмигрантов, объясняет:

У меня никогда не было каких-то особых связей с Италией. Я получил свой диплом кинезиотерапевта и хотел уехать из Чили. Думая о будущем, я сказал себе, что могу получить итальянский паспорт, а это позволит без проблем въехать в Евросоюз и, возможно, получить высшее образование в Италии. Наконец, с итальянским паспортом я могу жить здесь, не получая вид на жительство, и иметь много других преимуществ. Я решил, что нужно воспользоваться этим.

Свобода передвижения – возможно, главная привилегия, которую дает итальянский паспорт. Но его наличие является также основным условием доступа к программам помощи при возвращении в страну. Каролина, внучка эмигрантов, рассказывает:

Я аргентинка из Буэнос-Айреса. Приехала сюда после кризиса и дефолта 2001 г. . В то время провинция Трентино разработала план возвращения для детей эмигрантов или семей местных уроженцев, живущих за рубежом. Ну вот, была эта программа финансовой помощи, а я как раз только что окончила магистратуру и жила с парнем – он тоже из Трентино. У нас не было работы, ничего не было, ну мы и решили – поедем! У нас уже было гражданство, потому что родители вписали нас в AIRE при рождении.

Итальянское гражданство связывают также с возможностью получения высшего образования. Хорхе и Марио, внуки эмигрантов, приехали в Италию из Чили в 2016 г. благодаря стипендиям, которые провинция выплачивает студентам – потомкам эмигрантов. Эти стипендии, предоставляемые при наличии гражданства, дают возможность не только въехать в Европу с паспортом, позволяющим свободно перемещаться в границах Шенгенской зоны, но и продолжить учебу в Италии, чья образовательная система состоит из государственных университетов, в отличие от таковой в Чили или Аргентине, где преобладают частные или государственно-частные университеты. В результате получение докторского диплома в государственном университете Сантьяго в Чили может стоить до 26 тыс. евро при средней зарплате в стране 760 евро. Наличие стипендий может оказаться решающим аргументом для получения высшего образования. Хорхе рассказывает:

Мне сказали, что есть стипендии от провинции для потомков эмигрантов. (...) Я всегда хотел уехать из Чили. И именно в этот момент я подал прошение о втором гражданстве (...). Для меня это гражданство означает свободу, свободу передвижения (...). К тому же я записался в Университет Трентино как итальянец, а не как чилиец, понимаешь? Везде преимущества (...). Как гражданин ты получаешь эти преимущества по крови.

Наличие итальянского паспорта дает также возможность пользоваться качественной медицинской помощью, которую предоставляет национальная система здравоохранения. Это весомое преимущество, тем более – в случае тяжелых заболеваний, особенно в сравнении с ситуацией в Аргентине и Чили. В этих странах национальные системы здравоохранения испытывают большие трудности, и у граждан часто не другого выхода, чем обращаться за частной медицинской помощью, цены на которую обычно непомерно велики, как поясняет аргентинка Клаудиа, дочь эмигрантов:

Мы приехали из-за болезни моего мужа. Как родившийся в Трентино он имел здесь право на трансплантацию, и поэтому мы приехали. Поэтому же мы не можем вернуться,

из-за лечения, которое он здесь получает. Там у нас здравоохранение устроено примерно как в США, оно работает с частными страховыми компаниями. И кто, скажите, согласится страховать главу семьи, перенесшего трансплантацию? Никто.

Для молодого поколения – внуков эмигрантов – первой среди всех возможностей, которую открывает итальянское гражданство, является свобода передвижения внутри Шенгенской зоны. Именно молодежь больше всех пользуется этой свободой. Получение образования, доступ к медицинскому обслуживанию и на рынок труда также являются очень важными мотивациями для получения и использования итальянского паспорта. Для семей со скромными доходами – таких, которые я опрашивала, – эти возможности иногда оказываются жизненно необходимыми. Таким образом, в выдержках из интервью итальянская национальная принадлежность сводится к материальному измерению: ее символизирует прежде всего итальянский паспорт, который его обладатели – люди с двойным гражданством – могут использовать “по выбору”, чтобы увеличить свои шансы и/или произвести судьбоносные изменения в жизни.

Несколько недавних работ рассматривают получение второго гражданства как стратегию, в частности, когда речь идет о гражданах “третьих” стран (*Harpaz, Mateos 2019; Lamarche 2019*). Для них получение европейского паспорта равнозначно доступу к самым разнообразным вариантам территориальной и социальной мобильности (*Leuchter 2014*). Исследование отношения к натурализации в странах ЕС наглядно демонстрирует это. В работе, посвященной иммигрантам в Испании, Нидерландах и Великобритании до ее выхода из ЕС, установлена тесная связь между подачей заявления на прием в гражданство и стремлением получить гарантируемую им свободу передвижения (*Yanasmayan 2019*). Другие исследования показывают, что выходцы из европейских стран, постоянно проживающие в другой европейской стране, не проявляют интереса к натурализации (*Helgert, Bevelander 2017*). Это, похоже, подтверждает тезис о том, что европейское гражданство, напрямую увязываемое со свободой передвижения и не влияющее на идентичность, снижает ценность гражданства национального, делает его более легковесным (*Joppke 2010, Graeber 2016*).

Такое же ощущение создается при анализе приведенных выше отрывков из интервью. Легковесное, неглубокое отношение к национальному гражданству в нашем случае зависит еще и от того, что получить итальянский паспорт потомкам эмигрантов достаточно просто. От них, в отличие от иностранцев, живущих в Италии и желающих натурализоваться, не требуется знания языка или культуры страны. “Мы знали, что сможем подтвердить свое итальянское происхождение, что это очень легко: ты идешь в консульство со свидетельством о рождении деда, платишь определенную сумму – и получаешь паспорт”, – вспоминает Марио.

Итальянское гражданство: источник возможностей, лишенный эмоциональной составляющей? Наши интервью показывают, что получение итальянского паспорта вписывается в инструментальную логику и, на первый взгляд, не несет эмоциональной нагрузки. Речь идет, скорее, об улучшении своих жизненных условий с помощью доступа к социальным благам, а то и просто о выживании – в случае доступа к медицинской помощи. Мобильность, которую дает итальянский паспорт, не только территориальная, но и социальная, поскольку у его обладателя появляются возможности получить образование или найти более привлекательную и лучше оплачиваемую работу в другой шенгенской стране. Права, связанные с обладанием итальянским гражданством, в социально-экономическом контексте Чили и Аргентины являются важным элементом социальной дифференциации: другие граждане этих стран, не имеющие двойного гражданства, оказываются в менее выигрышной ситуации.

Такой утилитарный подход к итальянскому гражданству выхолащивает эмоциональную составляющую, которую мы привыкли ассоциировать с национальностью. Однако это не уникальный случай. Об этом свидетельствуют многие работы, вписывающиеся в традицию изучения “гибкого гражданства”, начатую Айвой Онг (Ong 1999). Наличие второго гражданства может быть жизненно важным ресурсом в периоды кризиса или конфликта (Radi 1998; Bontemps 2012) и стратегическим ресурсом в профессиональной карьере (Balta, Altan-Olcay 2015; Lamarche 2019). Появившийся позже концепт “компенсирующего гражданства” показывает, как второе гражданство может вписываться в стратегию восходящей мобильности на более глобальном уровне (Harpaz 2018, 2019). Эти исследования указывают на то, что интенсивность связи между национальностью как юридическим статусом и как чувством эмоциональной привязанности существенно варьирует (Yanasmayan 2015).

Наши полевые данные подтверждают это и тем самым ставят под сомнение наличие преемственности между романтическим национализмом, на котором основываются законы о гражданстве многих европейских стран, включая Италию, и собственно гражданством. Массовая эмиграция итальянцев в XX в. сыграла ключевую роль в выборе юридических решений в ходе общих реформ национального законодательства о гражданстве (1912 и 1992 гг.). Сохранение чувства коллективной принадлежности к Италии (*italianità* – ит.) с помощью адекватного закона о гражданстве было одной из основных задач реформы 1912 г. (Actes du parlement italien 1912). В понимании политического класса той эпохи это было чрезвычайно важным условием, чтобы не “потерять” массу итальянцев, уезжавших в Южную Америку, в которых государство видело не только источник дохода (благодаря денежным переводам), но и важный электоральный ресурс (Tintori 2011). Вторая (и последняя) реформа, в 1992 г., ввела принцип двойного гражданства, усилив тем самым принцип постоянства итальянского гражданства и упростив его приобретение потомками эмигрантов (Pastore 2004). Эта реформа отвечала на запрос итальянской общины за рубежом на сохранение юридической, культурной и аффективной связи с Италией через гражданство.

Ныне действующий итальянский закон о гражданстве считается одним из самых дружественных в Европе по отношению потомкам эмигрантов (Joppke 2005; Tsuda 2010) и основывается на межпоколенной передаче гражданства благодаря принципу *jus sanguinis*, не ограниченному пространственными или временными рамками. Мы отметили противоречие между духом этого закона и результатом его применения, выражающееся в утилитарном подходе к национальному гражданству “латиноамериканских итальянцев”. А что же с европейским гражданством, “прилагающимся” к итальянскому паспорту?

Европейское гражданство: расширение возможностей для молодого поколения

Похоже, представители молодого поколения – внуки эмигрантов – ценят европейское гражданство больше, чем их родители. Будучи более мобильными, молодые люди видят в нем инструмент для расширения своих профессиональных возможностей, рассматривая Европу как единый рынок труда. Наши респонденты также говорили о доступе к европейским правам и ресурсам, распределяемым европейскими экономическими институтами. Каролина, например, описывает те преимущества карьерного роста, которые открылись перед ней после переселения благодаря субвенциям Европейского социального фонда (ЕСФ). Профессиональное образование, которое она получила при финансовой поддержке ЕСФ, радикально изменило ее жизнь, улучшив социально-экономическое положение.

Когда я приехала, я столкнулась с серьезными трудностями при поиске работы. Прежде всего нужно было выучить язык, кроме того, мой магистерский диплом в сфере коммуникаций не был признан. Поэтому поначалу приходилось браться за любую работу, чтобы обеспечить себе пропитание. Через два года я поступила на годовые курсы веб-дизайнеров и программистов при ЕСФ. В программу курса входили 300 часов стажировки, которую я проходила в той компании, где теперь работаю – в одном из коммуникационных агентств. В общем, я там осталась, а потом вышла замуж за директора компании и теперь работаю на руководящей должности.

Европейский паспорт позволяет молодым иммигрантам увереннее смотреть в будущее. Марио рассуждает так:

Если будет работа – я останусь здесь, в Трентино, а если появится хороший вариант в другой стране – уеду в другую страну. Но я не хочу возвращаться в Чили, я всегда хотел уехать оттуда. Я хочу продолжать учиться здесь, может быть, писать диссертацию в другой стране, заниматься наукой в другой стране. Я говорю по-испански и учился по программе “Эразмус” в Испании. Через десять-двадцать лет я, может быть, буду жить не в Трентино, но в Евросоюзе – это точно.

Таким образом, Евросоюз рассматривается как легкодоступное пространство, вход в которое открывает унаследованный по рождению паспорт, освобождая его владельца от трудностей и ограничений, связанных со стандартной для других мигрантов процедурой получения вида на жительство. Последним для въезда в ЕС нужна студенческая виза (альтернативой может быть воссоединение с семьей), а после въезда приходится преодолевать множество препятствий, чтобы найти работу, дающую право на получение вида на жительство по профессиональным мотивам. Рассказывает Хорхе:

Я всегда хотел уехать из Чили для продолжения учебы, но при этом думал потом вернуться домой. Теперь я в этом уже не уверен. Я могу поселиться в Италии или в любой стране Европы с моим паспортом, так что... я в выигрышном положении по сравнению с другими чилийцами, потому что мне не нужна виза. Я общаюсь с другими латиноамериканцами, их тут много, и они даже больше трентинцы, чем я, некоторые и вовсе родились здесь, но у них нет итальянского паспорта, им здесь действительно тяжело!

В речах молодых чилийцев и аргентинцев европейское гражданство, как и итальянское, выглядит скорее прагматическим приобретением, чем горизонтом идентичности. Еще раз повторю, что оно связано в первую очередь с набором возможностей и прав его обладателя, среди которых для молодых выходцев из третьих стран важнейшим является право свободы передвижения. Анализ жизненного пути внуков эмигрантов выявляет их интенсивную профессиональную мобильность внутри Шенгенской зоны, близкую к мобильности молодых итальянцев – уроженцев Италии. Европа привлекательна не только для молодых латиноамериканцев с итальянскими паспортами, но и для молодого поколения самой Италии, вовлеченного с начала 2000-х гг. в новую эмиграционную волну в направлении стран Северной Европы (*Gjergji 2015; Lafleur, Stanek 2017*). Отличие этой новой эмиграции от итальянской эмиграции XIX в. состоит как в центральном месте, которое в ней занимают студенты и молодые выпускники университетов, так и в их мотивации (*Dubucs et al. 2017*). Она чаще коренится в экзистенциальной потребности в признании и социальном продвижении, нежели в отсутствии работы как таковой – у многих новых эмигрантов в Италии была работа. Молодежь выталкивает из страны сама поколенная структура геронтократического итальянского общества, неспособного к обновлению и систематически маргинализирующего молодых. В результате последние хронически отстают в получении стабильной работы, отдельного

жилья, обретении финансовой независимости, обзаведении детьми и т.п. (Sgritta 2002). Уезжающие ощущают себя “потерянным поколением” (Dubucs et al. 2016). Молодым потомкам эмигрантов также не чуждо это чувство, поскольку они оказываются в Италии перед лицом тех же проблем, что и их ровесники – местные уроженцы. К структурным проблемам итальянского общества добавляются результаты европейской интеграции: интернационализация университетских программ, легкость перемещений между странами благодаря таким механизмам, как программа “Эразмус”, способствуют росту внутриевропейской мобильности итальянской молодежи, будь то местные уроженцы или недавние мигранты с итальянскими паспортами. Действительно, последние также охотно и успешно используют европейские механизмы в сфере профессиональной подготовки (ЕСФ, как Каролина) или студенческой мобильности (“Эразмус”, как Марио). Жизненные планы потомков эмигрантов, осуществляющиеся благодаря европейскому гражданству, вписываются таким образом в расширение географического горизонта на всю Европу и, возможно, за ее пределы, поскольку возвращение в Латинскую Америку тоже никогда полностью не исключается. Появляется новое поколение европейцев, укорененных не только в “старом”, но и в “новом” свете, а также наследующее великой европейской эмиграции минувших веков. Следовательно, встречное миграционное движение – въезд в страну детей и внуков эмигрантов, накладывающийся на выезд из нее местной молодежи, только кажется парадоксом. В действительности въезд в Италию может оказаться лишь первым этапом на пути к европейской мобильности.

Эти замечания, с одной стороны, укрепляют нас во мнении об инструментальном характере итальянского и европейского гражданства. С другой стороны, они побуждают расширить географический охват и историческую глубину анализа итальянской миграционной системы. Если рассматривать, как мы это предлагаем, Южную Америку как источник дальнейшей миграции из Италии, то вырисовывается всеобъемлющая и сложная картина современных миграционных процессов, в рамках которой существуют связи не только между Италией и другими странами Шенгенской зоны, но и между несколькими странами латинской Америки (Аргентиной, Чили, а также Бразилией, Парагваем, Уругваем, каждая из которых представляет собой возможный миграционный резервуар) и Евросоюзом. В этой мозаике мобильности Италия – лишь один из фрагментов, а европейское гражданство – важнейший инструмент. Из этого понятно, что паспорт Евросоюза – это Святой Грааль для молодого поколения латиноамериканцев, их волшебный пропуск в будущее, где мобильность является ключом не только к успеху, но и к персональной реализации, о чем свидетельствуют рассказы многих молодых чилийцев о желании “уехать из страны”.

Напротив, как объясняет Хорхе, для не-граждан ЕС, включая родившихся в Италии, но не имеющих итальянского паспорта, европейское гражданство превращается в еще одну дополнительную границу, границу нового типа, отделяющую не только итальянцев от неитальянцев, но и европейцев от неевропейцев (Yanasmayan 2009), живущих в стране десятилетиями, а то и с рождения, но не пользующихся, в отличие от мигрантов-европейцев, правом свободы передвижения.

Официальный миф возвращения на местном уровне: символическая граница между местными жителями и потомками эмигрантов в Трентино

Владение европейским паспортом может быть, впрочем, не только административной границей между теми, кто может и не может свободно перемещаться по Европе, но и символической, существующей на местном уровне и разделяющей между собой обладателей итальянско-

го паспорта в зависимости от места рождения. Эта граница ограничивает доступ не к правам, а к социальному взаимодействию. Наши интервью показывают, что “возвращение”, о котором говорят законы, – выражение, не имеющее смысла для детей и внуков эмигрантов. Если принимать во внимание то, что говорят простые люди, следует, на мой взгляд, отказаться от этого понятия применительно к данной категории мигрантов, сместив фокус на юридический режим преференций, который на них распространяется и который имеет реальную ценность в их глазах. Это позволит нам отделить то, что относится к миграционному опыту от того, что имеет отношение к чувству коллективной принадлежности. В действительности потомки эмигрантов не “возвращаются” на родину, а переезжают в страну, гражданство которой унаследовали от своих предков.

Полевые наблюдения убедили меня в том, что “возвращение” потомков эмигрантов – скорее миф, сконструированный административным и политическим дискурсом, чем реальность. С одной стороны, безусловно, законодательство отвечает на запрос эмигрантов на право на возвращение в родную страну или регион. С другой – оно выражает политическую волю заселить регион Трентино, переживший массовую депопуляцию в результате великой эмиграции и катастрофических последствий двух мировых войн, подданными, “этнически близкими” местному населению. Региональный закон о “возвращении” и национальный закон о гражданстве совместно действуют в этом направлении. Согласно последнему закону, родившиеся в Италии дети иммигрантов не становятся автоматически итальянцами. Они могут получить гражданство по достижении совершеннолетия, подав прошение и пройдя необходимую процедуру. В то же время, как мы видели, за границей итальянское гражданство передается безо всяких ограничений. Такое законодательство свидетельствует об этнически избирательной миграционной политике (*Joppke 2005*), или о позитивной дискриминации. Вводя принципиальное различие между правом на въезд и правом на возвращение в Европу, эти законы порождают неравенство в режимах мобильности (*Glick Schiller et Salazar 2013*), ставя свободу передвижения (или ее отсутствие) в зависимость от происхождения семьи, которое становится новой разграничительной линией (*Fassin 2002*). Действительно, сегодня, когда в различных европейских странах распространен политический дискурс об опасности иммиграции и “этнического многообразия” (*Clarke 2009*), установление связи между возможностью или невозможностью пересекать границы ЕС и наличием паспорта одного из государств – членов Союза отражает отношение этой организации к различиям и инаковости (*Petric, Gossiaux 2009*). Но помимо официального уровня важно изучить, как представления о границах, в том числе европейских, отражаются в реальной жизни. Ведь границы – конструкции не только физические, но и символические, выражение как политического суверенитета, так и коллективной идентичности (*Barth 1969; Amselle 1990; Wilson, Donnan 1999*). Аргентинцы и чилийцы с итальянскими паспортами не встречают никаких административных препятствий при въезде в Евросоюз. Однако стоит им поселиться в Трентино, как они сталкиваются с локальными социальными границами, отделяющими местных жителей от чужих, других. Стефано, сын эмигрантов из Буэнос-Айреса, объясняет:

Мы приехали в Трентино из-за экономической нестабильности, царящей в Аргентине. Но даже с итальянским паспортом ты никогда не станешь здесь своим. Потому что дело в конечном счете не в земле, национальном гимне или языке, а в местном шовинизме. Это значит, что ты считаешься здешним, только если здесь жили твои деды и прадеды.

Рассказывает Романа, дочь иммигрантов, приехавшая в Трентино из Чили в 1974 г. десятилетней девочкой:

Реинтегрироваться в Валь ди Соле не удалось, потому что в то время (...) Валь ди Соле была очень закрытой, и на нас смотрели, как на инопланетян. И это при том, что мы были стопроцентными трентинцами, а наполовину даже выходцами из самого Валь ди Соле, потому что мой отец был родом отсюда, из Димаро (...). Здесь просто ужас! Страшный шовинизм. Страшный! Если ты из Димаро, тебя не спутают с жителями соседней деревни! Это просто потрясает.

Приведенные выдержки из интервью свидетельствуют о том, что наличие “корней” в Трентино, официально дающее право на возвращение и на итальянское гражданство, не выдерживает испытания миграцией. Местное сельское население не признает его в качестве элемента, на котором может основываться общая идентичность или межличностные связи. Точно так же итальянский паспорт вкупе с европейским гражданством служат только для административной идентификации и не гарантируют интеграции в различные местные сообщества. Мои респонденты чувствуют себя исключенными из повседневных взаимодействий, им постоянно напоминают, что они другие. В регионе, где долина или деревня, где человек родился, определяет, является ли он “своим”, дети и внуки эмигрантов часто считаются чужими. Поэтому они не участвуют в обыденных совместных практиках, таких как разговоры в кафе или приходская жизнь. Их называют, как в городе, так и в деревнях, “чилийцами” или “аргентинцами”, поскольку они родились за океаном, даже если по документам они – итальянцы и европейцы.

Эта форма исключения ранит. Даже если у потомков эмигрантов “слабая” концепция итальянского и европейского гражданства, лишенная эмоционального наполнения, иначе обстоит дело с чувством региональной идентичности. С одной стороны, многие среди опрошенных эмоционально привязаны к региональной культуре своих отцов и дедов. С другой стороны, их удивляет, что получаемая ими материальная помощь от региона, открыто аргументируемая риторикой “возвращения в Трентино”, не подкрепляется социальной интеграцией. Марио вспоминает:

Когда я приехал в Трентино, с той культурой, которая у меня была, я почувствовал себя чужаком, почувствовал, что мы не во всем похожи (...). У меня так и не завязалось прочных связей с кем-то из местных, они меня всегда избегали. Провинция дает тебе стипендию в качестве бонуса, но в конечном счете она не интегрирует тебя.

Потомки эмигрантов, с которыми я встречалась в Трентино, конечно, не ехали в Италию с мыслью о воссоединении с “этнической общностью”, как это бывает в иных случаях (в том числе в Европе), описанных в ряде работ (*Brubaker 1998; Markowitz, Stefansson 2004; Fox 2007*). Тем не менее, позитивные представления о земле предков и официальная риторика “возвращения” нередко давали им надежду на полную социальную интеграцию. Реальность оказалась совсем иной: по приезду в Трентино они столкнулись с глубоким отчуждением, порожденным, с одной стороны, дистанцированием от них местных жителей, а с другой – различиями в культуре общения между странами, где они родились, и Трентино. Опыт эмиграции на землю предков становится для них, таким образом, мощным усилителем чувства принадлежности к собственной родине – Аргентине или Чили, вопреки наличию итальянского паспорта.

Итальянская национальная принадлежность, европейское гражданство и коллективная идентичность

Наложение региональной европейской идентичности и латиноамериканской национальной принадлежности. Итальянская национальная принадлежность и связанное с ней европейское гражданство, дающие многочисленные преимущества, в интервью выглядят ото-

рванными от чувства коллективной идентичности. Европа и Италия упоминаются как пространства воображаемых истоков, относящиеся ко времени до эмиграции как основополагающего акта семейной истории, пространства столь же неопределенные, сколь объединяющие. Чувство принадлежности, напротив, связано с родной страной и, во вторую очередь, с родным регионом предков – Трентино. Напомню, что регион Трентино, площадью 6 тыс. 207 кв. км, занимающий несколько альпийских долин, получил юридический статус автономной провинции благодаря особенностям его истории и населения. Он был присоединен к Итальянскому королевству лишь в 1919 г., а до того был частью многоязычного “Исторического Тироля”, находившегося под властью Габсбургов. В Автономной провинции Тренто говорят по-итальянски, но в ней официально признаны три языковых меньшинства: ладины, кимбры и мокены. Периферийная территория, располагавшаяся прежде на южной границе Австро-Венгерской империи, а затем на северной границе Итальянского королевства, всегда была землей мобильности. Возможно, предки некоторых бенефициаров программы “возвращения” покинули Трентино еще до того, как регион был присоединен к Италии, и получили итальянский паспорт, уже находясь в Латинской Америке. Это объясняет, почему в некоторых эмигрантских семьях региональная идентичность превалирует над итальянской национальной. Рассказ Клаудии иллюстрирует важность поддержания региональной культуры в эмиграции – феномен, о котором неоднократно писали (Harney 1998). Расстояние действует одновременно как увеличительное стекло и как цемент, превращая “культуру предков” в набор застывших элементов. Региональные культуры могут в дальнейшем раствориться в национальной благодаря усилиям отдельных активистов, пропагандирующих культ гимна и флага. Тем не менее, “вернувшись” на родину предков, мигранты могут обнаружить, что культура, реконструированная и сохранявшаяся в эмиграции, не существует или больше не существует на месте:

Там, в Аргентине, и сегодня еще есть трентинский клуб, где встречаются земляки (ит. *compaesani*) – выходцы из одного региона или из одной деревни. Они отмечают все итальянские праздники и поддерживают традиции. Мы, девочки, в 15, 16 лет наряжались в национальный костюм. Во время праздников устраивали большие застолья, пели горские песни, и все такое – гимн, флаг... И вот мы приехали сюда, в Трентино, а тут этого ничего нет. И я говорю: так что же, это все осталось только у эмигрантов, так? У тех, кто уехал из страны, осталась... идентичность, которая в Италии утрачена, я думаю.

Хорхе также отмечает живучесть региональной культуры, рассказывая о землячествах в Ла Серена – городе среднего размера, расположенном в южной части Чили, где поселились сотни выходцев из Трентино, в частности, в ходе двух кампаний массовой колонизации сельскохозяйственных земель (Groselli 2011):

Сообщество трентинцев возникло в Ла Серена и начало отмечать некоторые праздники [...]. После, когда я приехал в Трентино, я понял, что мы делали то же самое, что принято здесь. В Ла Серена можно увидеть тех же дедушек с аккордеонами, люди готовят традиционную трентинскую колбасу *lunganega*, кислую капусту, поленту, устраивают застолья, поют, танцуют, старики говорят на диалекте [...] и все же я не считаю, что для меня приезд в Трентино – это “возвращение”. Трудно подобрать правильный термин, потому что в конечном итоге я все же чилиец. У меня два гражданства, и я идентифицирую себя с обоими, но я прежде всего чилиец и горжусь этим.

Таким образом, чувство принадлежности к родной стране накладывается на эмоциональную привязанность к региональной культуре отцов и дедов. Однако не во всех эмигрантских семьях одинаково бережно относятся к региональной культуре. Это отношение варьирует в зависимости от времени и места иммиграции, а также от наличия землячеств. Глория, дочь эми-

грантов, выросшая в бурлящей атмосфере большого мультикультурного аргентинского города на заре военной диктатуры (1976–1983), так рассуждает о своей идентичности:

В Аргентине более половины жителей – это дети и внуки эмигрантов. В Италии люди помнят, где родились их деды, в Аргентине же, наоборот, ты чувствуешь себя именно аргентинцем, даже если у тебя другая кровь. Я всегда говорю: я могла бы точно так же родиться здесь, в Трентино, ведь мои родители – трентинцы. Но, возможно, из-за того, что я жила в Аргентине в период диктатуры, манифестаций, протестов, я стала ощущать себя – и продолжаю это делать – аргентинкой.

Интервью свидетельствуют о нестыковке между национальной принадлежностью в юридическом смысле слова и субъективным чувством коллективной культурной принадлежности – как региональной, так и национальной. Они показывают также наличие разных географических уровней идентификации: регионального в Италии и национального – в Латинской Америке, хотя приверженность региональной культуре предков существенно варьирует в зависимости от особенностей личной и семейной истории.

Эти наблюдения противоречат риторике многих европейских стран, в том числе Италии, которые не делают различия между национальностью, идентичностью и гражданством (*Clarke 2009*), что абсолютно не соответствует “низовым” представлениям и практикам. Наше исследование показывает, что официальный процесс идентификации (*Noiriel 2001*), заключающийся во внешнем определении потомков эмигрантов как итальянцев и европейцев, не соответствует реальному ощущению ими своей групповой принадлежности.

Разные понимания групповой принадлежности: привязанность к родной земле, связь с наследием предков и “слабая” концепция гражданства. Выдержки из интервью дают представление о том, как по-разному в Европе и Латинской Америке относятся к идентичности или к своим “корням”. Это различие нашло свое отражение в основополагающем принципе права крови (*jus sanguinis*), принятом в Италии, и права почвы (*jus soli*) – в Аргентине и Чили. Сюзанна, внучка эмигрантов, достаточно ясно объясняет, что для нее чувство групповой принадлежности куда больше связано с местом рождения, чем с кровью предков:

Мы в семье – аргентинцы, итальянцами были бабушка и дедушка моего отца. [...]. Я очень привязана к моей земле, к Аргентине, и мои родители тоже. Это данность. Мой футбольный клуб – Ла-Бока, это тоже данность. Но это не значит, что я намертво привязана своими корнями и должна сидеть на одном месте. Я могу жить здесь или там – моя идентичность от этого не меняется.

Граждане латиноамериканских стран – потомки итальянских эмигрантов, имеющие двойное гражданство, существуют в двух юридических системах: с одной стороны, по праву почвы они имеют аргентинское или чилийское гражданство; с другой – по праву крови они наследуют гражданство Италии. Обычно считается, что *jus sanguinis* ведет к этнизации гражданства, устанавливая тесную связь между национальностью и предполагаемой культурой, которая якобы передается по родству (т.е. по крови) из поколения в поколение. В этой системе координат национальность родителей может передаваться детям за пределами национальной территории, в том числе в случаях, когда и сами родители родились вне той страны, национальность которой они передают по наследству. Напротив, *jus soli* якобы де-этнизует гражданство, включая в национальное сообщество также детей иммигрантов, которые по идее могут быть носителями “другой” культуры (*Joppke 2003*). Как бы то ни было, у чилийских и аргентинских граждан, с которыми я встречалась, чувство групповой принадлежности связано не с предполагаемой этничностью и кровью предков (т. наз. “итальянскостью”/ *italianità*, на которой основан дей-

ствующий закон о гражданстве), а с местом рождения, родной страной и ее культурой, с которыми ощущается сильная эмоциональная связь. Это объясняет, почему двойное гражданство, нарушающее исключительность связи индивида с государством, воспринимается как проблема политической наукой (Faist 2007; Yanasmayan 2015), но совсем не обязательно является проблемой для тех, кто живет с ним. Как показали наши интервью, для потомков итальянских эмигрантов характерно “сильное”, аффективно окрашенное гражданское чувство по отношению к Аргентине или Чили и “слабое”, почти лишенное эмоциональной составляющей отношение к унаследованному от предков гражданству Италии (Tilly 1995). То же можно сказать и о европейском гражданстве, в восприятии которого нашими респондентами прагматическая, утилитарная составляющая явно преобладает над чувственной, эмоциональной.

Судя по нашим интервью, на вопрос “существует ли европейское гражданство за пределами Европы?” можно ответить утвердительно при условии семантического сужения термина “гражданство”. Для потомков итальянских эмигрантов в Аргентине и Чили оно имеет юридический смысл, наделяя их общими для всех европейцев правами, однако не имеет значения для идентификации, не создает ощущения принадлежности к культурной общности. Таким образом, “сильное” в юридическом, но “слабое” в культурном отношении европейское гражданство оказывается “мягким”, податливым. Наш полевой материал подтверждает наиболее распространенный в междисциплинарной литературе тезис, о том, что европейское гражданство – это прежде всего правовое сообщество, результат идеологического конструирования (Craith 2004). Действительно, за почти тридцать лет своего существования – с момента вступления в действие Маастрихтского соглашения в 1993 г. – европейское гражданство не превратилось в гражданство пост-национальное. Оно осталось статусом, вытекающим из наличия гражданства одного из государств-членов ЕС, и до сих пор нет согласия в вопросе о содержании связанной с ним культурной идентичности (Kostakopoulou 2001).

Анализ миграционной мобильности аргентинских и чилийских граждан итальянского происхождения свидетельствует, прежде всего, о том, что европейское гражданство существует и за пределами Европы. Неразрывно связанное с наличием итальянского гражданства, которое потомки эмигрантов наследуют от своих родителей, и наделяющее широким набором прав, на первом месте среди которых – свобода передвижения в рамках Евросоюза, европейское гражданство рассматривается потомками эмигрантов как механизм улучшения жизни, дающий преимущество перед другими иммигрантами в доступе к образованию, профессиональной и личностной реализации и как следствие – к достижению более высокого социально-экономического статуса. Тем самым европейское гражданство становится элементом социальной дифференциации.

Европейское гражданство вписывается в более широкую в географическом и историческом плане миграционную систему: приезжающие в Италию с итальянскими паспортами мигранты из стран Латинской Америки вместе с молодыми итальянцами включаются в выездной миграционный поток, возобновившийся в последние 20 лет и направленный в другие европейские страны. Таким образом создается непрерывная динамика: Италия, откуда активно выезжает собственное население, зачастую становится транзитным пунктом в европейском маршруте латиноамериканских итальянцев.

В свете выявленного стратегического использования “спящего” итальянского гражданства и “слабой” концепции гражданства европейского у потомков итальянских эмигрантов

в Южной Америке представляется неоправданным говорить применительно к ним о “возвращении”, как это делается в юридическом и политическом дискурсе. Интервью свидетельствуют о том, что свое пребывание в Италии многие из них рассматривают как временную остановку на пути дальше в Европу. Официальное использование риторики “возвратной миграции” скорее отражает политическую волю на введение разграничения между “правом на въезд” и “правом на возвращение” в ЕС, в котором просматривается предпочтение “избирательной иммиграции” потомков европейских эмигрантов вкупе с закрытием границ для иммиграции “других”.

Эти наблюдения заставляют нас по-новому взглянуть на границы Европы в мире, где все тесно связано и одновременно зачастую делокализовано, отказаться от метафоры “контейнера” – национального государства, заключающего в своих границах национальное сообщество (*Wimmer; Glick Schiller 2002; Salzbrunn 2016*). Они заставляют также задаться вопросом о смысле европейского гражданства за рамками его юридического понимания и о том, как оно взаимодействует с национальной (иногда двойной) и региональной принадлежностью. Анализ европейского гражданства и создаваемых им границ включает макроуровень национальных и супранациональных правовых систем; средний уровень региональных институций, а также микроуровень локальных и транслокальных практик и представлений (*Waldinger; Fitzgerald 2004*). Аргентинцы и чилийцы с итальянским паспортом беспрепятственно въезжают в Европу, легко преодолевая физические преграды и административные границы, но на местном уровне сталкиваются с границами символическими, делающими их “другими” по сравнению с постоянными жителями. Невидимая граница пролегает между “генеалогически” близкими группами, юридически рассматриваемыми как носители одной этничности, т.е. одной культуры, передающейся из поколения в поколение, но разделенными в свое время эмиграцией. Это обстоятельство вновь подводит нас к вопросу о роли крови и почвы при определении групповой принадлежности. Эти правовые матрицы рассматриваются в антропологической литературе как два важнейших критерия для определения групповой принадлежности (*Gluckman 1982; Eriksen 2004*). Однако территория и родство создают такие коллективные членства, которые в конце концов начинают противоречить друг другу при столкновении с пространственной и временной дистанцией, порождаемой миграцией.

Примечания

¹ В разных академических и языковых традициях термины гражданство и национальность используются в похожих значениях (Neveu 2004). Во франкоязычной литературе термин национальность / *nationalité* употребляется преимущественно для обозначения одновременно субъективного чувства групповой принадлежности и юридической связи с государством (Noiriel 1995). В свою очередь, термин гражданство / *citoyenneté* отсылает к юридической концепции национальности как статуса, наделяющего правами и обязанностями, а также к концепции участия в жизни нации, согласно которой гражданин – это тот, кто голосует и участвует в общественной жизни (Lamarche 2019). В этой статье я буду использовать термин национальность, имея в виду как лояльность индивида государству, так и его статус субъекта прав и обязанностей, из этой лояльности вытекающий. Таким образом, я буду говорить о французской, чилийской или аргентинской национальности. Что касается термина гражданство, то им я буду обозначать юридическую связь между индивидом и наднациональным юридическим и политическим образованием, каким является Европейский Союз, т.е. я буду говорить о европейском гражданстве (прим. авт.). При переводе статьи мы учитывали российскую/русскоязычную традицию различения гражданства (как категории юридической) и национальности (как синонима этничности), поэтому используемый автором термин *nationalité* передается, как правило, термином гражданство; при наличии указания на страну (*nationalité italienne, chilienne, argentine*) вместо итальянская (чилийская, аргентинская) национальность выбрана форма перевода итальянский (чилийский, аргентинский) паспорт; там, где это уместно и не мешает пониманию, сохранен перевод национальность или национальная принадлежность (прим. перев.)

² В 2001 г. Аргентина пережила крупнейший дефолт в своей истории (\$100 млрд). Тяжелейший экономический, политический и социальный кризис продолжался до 2002 г. Он повлек за собой сильную девальвацию песо, обесценившую сбережения населения. На фоне массовых забастовок и демонстраций и их жестокого подавления, приведшего к гибели нескольких десятков человек, в стране за две недели конца 2001 – начала 2002 гг. сменилось пять президентов.

³ Стоимость четырехлетнего обучения на степень доктора инженерных наук. Аналогичный курс социологии в том же университете стоит около 20 000 евро (Universidad de Chile: <https://www.uchile.cl/postgrados/doctorados>).

⁴ Ла-Бока (La Boca – исп.) – аргентинская футбольная команда, основанная в начале XX в. итальянскими иммигрантами (прим. пер.).

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

Actes du parlement italien, Chambre des députés, XXIII Législature, Ire session, Discussions, 1er tour, 4 juin 1912: 20322.

ISPAT (Istituto di Statistica della provincia di Trento), 2019, La popolazione trentina al 1° gennaio 2019, Ispat Comunicazioni, Juin http://www.statistica.provincia.tn.it/binary/pat_statistica_new/popolazione/SintesiPopolazioneTrentina1Gennaio2019.1560260576.pdf.

Ministero dell'Interno Ufficio Centrale di Statistica, 2019, Anagrafe degli italiani residenti all'estero al 31 dicembre 2018, *Anuario delle statistiche ufficiali del Ministero dell'Interno*, http://ucs.interno.gov.it/FILES/Alle-gatiPag/1263/INT00041_ANAGRAFE_DEGLI_ITALIANI_RESIDENTI_ALL_ESTERO_-A.I.R.E.-_ed_2019.pdf.

Научная литература

Amselle J.-L. Logiques métisses. Anthropologie de l'identité en Afrique et ailleurs, Paris: Payot, 1990.

Balta E., Altan-Olcay Ö. Strategic citizens of America: transnational inequalities and transformation of citizenship // *Ethnic and Racial Studies*. 2015. Vol. 39 (6). P. 939–957.

Barth F. (Ed.). *Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference*. Boston: Little, Brown & Co, 1969.

Blanchard M. Observing the multiple intersections of mobilities through return migration in the Alps // *New Diversities*. 2017. Vol. 19 (3). P. 75–87.

Bontemps V. *Ville et patrimoine en Palestine. Une ethnographie des savonneries de Naplouse*. Paris: Karthala, 2012.

- Brubaker R.* Migrations of Ethnic Unmixing in the “New Europe” // *International Migration Review*. 1998. Vol. 32 (4). P. 1047–1065.
- Clarke J.* Parler de citoyenneté: discours gouvernementaux et vernaculaires // *Anthropologie et Sociétés*. 2009. Vol. 33 (2). P. 43–62.
- Craith M. N.* Culture and citizenship in Europe. Questions for anthropologists // *Social Anthropology*. 2004. Vol. 12 (3). P. 289–300.
- Dubucs H., Pfirsich T., Recchi E.* et al. Les migrations italiennes dans la France contemporaine // *Hommes et migrations*. 2017. n°1317–1318. P. 59–67.
- Dubucs H., Pfirsich T., Schmoll C.* Talking about my generation. Emigration and a sense of generation among highly skilled young Italians in Paris // *Intergenerational Mobilities. Relationality, Age and Lifecourse* / Eds. L.Murray, S. Robertson. London: Routledge, 2016. P. 78–90.
- Eriksen T. H.* Place, kinship and the case for non-ethnic nations // *Nations and nationalisms*. 2004. Vol. 10 (1–2). P. 49– 62.
- Faist T.* The Fixed and Porous Boundaries of Dual Citizenship // *Dual Citizenship in Europe: from nationhood to societal integration* / Ed. T. Faist. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 1–27.
- Fassin D.* Politiques du corps et reconnaissance de l’altérité. Nouvelles questions posées par l’immigration à la société française // *Recherches Sociologiques*. 2002. n°2. P. 59–74.
- Fox J. E.* From national inclusion to economic exclusion: ethnic Hungarian labour migration to Hungary // *Nations and nationalisms*. 2007. Vol. 13 (1). P. 77–96.
- Gjergji I.* La nuova emigrazione italiana. Cause, mete e figure sociali. Venice: Ca’ Foscari, 2015.
- Glick Schiller N., Salazar N.B.* Regimes of Mobility Across the Globe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2013. Vol. 39 (2). P. 183–200.
- Gluckman M.* Conflict and Custom in Africa. Oxford: Blackwell, 1982.
- Graeber J.* Citizenship in the shadow of the Euro crisis: explaining changing patterns in naturalisation among intra-EU migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. Vol. 42 (10). P. 1670–1692.
- Groselli R. M.* Storie della emigrazione trentina. Trento: L’Adige, 2000.
- Groselli R. M.* Un urlo da San Ramon: la colonizzazione trentina in Cile, 1949–1974. Trento: Fondazione Museo Storico Trentino, 2011.
- Harney N. M.* Eh, Paesan! Being Italian in Toronto. Toronto: University of Toronto Press, 1998.
- Harpaz Y.* Compensatory Citizenship: dual nationality as a strategy of global upward mobility // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 45 (6). P. 897–916.
- Harpaz Y.* Citizenship 2.0: dual nationality as a global asset. Princeton, Princeton University Press, 2019.
- Harpaz Y., Mateos P.* Strategic Citizenship: Negotiating Membership in the Age of Dual Nationality // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45 (6). P. 843–857.
- Helgert J., Bevelander P.* The Influence of Partner Choice and Country of Origin Characteristics on the Naturalization of Immigrants in Sweden: a longitudinal analysis // *International Migration Review*. 2017. Vol. 1 (51). P. 667–700.
- Joppke C.* Citizenship between De- and Re- Ethnicization // *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie*. 2003. Vol. 44 (3). P. 429–458.
- Joppke C.* *Selecting by Origin: Ethnic Migration in the Liberal State*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.
- Joppke C.* The Inevitable Lightning of Citizenship // *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie*. 2010. Vol. 51 (1). P. 9–32.
- Kostakopoulou T.* Citizenship, identity and immigration in the European Union. Between past and future. Manchester: Manchester University Press, 2001.

- Lafleur J. M., Stanek M.* (Eds.). *South- North Migration of EU Citizens in Times of Crisis*. Dordrecht: Springer, 2017.
- Lamarche K.* “Si grand-père savait...”. Le recours des Israéliens ashkénazes aux nationalités européennes de leurs ascendants // *Genèses*. 2019. Vol. 116 (3). P. 27–48.
- Leuchter N.* *Creating Other Options: Negotiating the Meanings of Citizenships* // *Citizenship Studies*. 2014. Vol. 18 (6–7). P. 776–790.
- Markowitz F., Stefansson A.* (Eds.). *Homecomings: unsettling paths of return*. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.
- Neveu C.* Les enjeux d’une approche anthropologique de la citoyenneté // *Revue européenne des migrations internationales*. 2004. Vol. 20 (3). P. 89–101.
- Noiriel G.* Socio-histoire d’un concept. Les usages du mot “nationalité” au XIXe siècle // *Genèses*. 1995. n° 20. P. 4–23.
- Noiriel G.* *État, nation et immigration. Vers une histoire du pouvoir*. Paris: Belin, 2001.
- Ong A.* *Flexible citizenship: the cultural logics of trans-nationality*. Durham: Duke University Press, 1999.
- Pastore F.* A community out of balance: nationality law and migration politics in the history of post- unification Italy // *Journal of Modern Italian Studies*. 2004. Vol.9 (1). P. 27– 48.
- Petric B., Gossiaux J.-F.* Introduction // *Europa mon amour* / Eds. B. Petric, J.-F. Gossiaux. Paris: Autrement, 2009. P.7–22.
- Radi L.* *L’élite palestinienne: stratégies de survie et modes d’influence, 1967–1997*. Thèse de doctorat en Science politique. Paris: Institut d’études politiques, 1998.
- Salzbrunn M.* Shifting Theories, Methods and Topics: Monika Salzbrunn talks with Ludger Pries about 30 years of migration studies // *Revue européenne des migrations internationales*. 2016. Vol. 32 (3–4). P. 231–247.
- Sgritta G. B.* La transizione all’età adulta: la sindrome del ritardo // *Famiglie. Mutamenti e politiche sociali* / Eds. Osservatorio nazionale sulle famiglie. Bologna: Il Mulino, 2002. P. 11–42.
- Tilly C.* *Citizenship, Identity and Social History* // *International Review of Social History*. 1995. No 40. P. 1–17.
- Tintori G.* The Transnational Political Practices of “Latin American Italians” // *International Migration*. 2011. Vol. 49 (3). P. 168–188.
- Tsuda T.* Ethnic return migration and the nation-state: encouraging the diaspora to return “home” // *Nations and nationalisms*. 2010. Vol. 16 (4). P. 616–636.
- Viazzo P. P.* Migrazione e mobilità in area alpina: scenari demografici e fattori socio-strutturali // *Histoire des Alpes–Storia delle Alpi–Geschichte der Alpen*. 1998. n°3. P. 37–48.
- Waldinger R., Fitzgerald D.* Transnationalism in Question // *American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 109 (3). P. 1177–1195.
- Wilson T. M., Donnan H.* *Nation, State and Identity at International Borders* // *Border Identities: Nation and State at International Frontiers* / Eds. D. Hastings, T. M. Wilson. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 1–30.
- Wimmer A., Glick Schiller N.* Methodological nationalism and beyond: nation-building, migration and the social sciences // *Global Networks*. 2002. Vol. 2 (4). P. 301–334.
- Yanasmayan Z.* *European Citizenship: A Tool for Integration?* // *Illiberal Liberal States: Immigration, Citizenship and Integration in the EU* / Eds. E. Guild, K. Groenendijk, S. Carrer. Aldershot: Ashgate, 2009. P. 79–98.
- Yanasmayan Z.* *Citizenship on paper or at heart? A closer look into the dual citizenship debate in Europe* // *Citizenship Studies*. 2015. Vol. 19 (6–7). P. 785–801.
- Yanasmayan Z.* *The Migration of Highly Educated Turkish Citizens to Europe: From Guestworkers to Global Talent*. London: Routledge, 2019.

Research Article

Blanchard, M. European Citizenship, Italian Nationality and the “Institutional Myth” of Return: the Case of Argentinians and Chileans of Italian Descent [Европейское гражданство, итал’ianskaia natsional’nost’ i ofitsial’nyi mif “vozvrashcheniia”: argentintsy i chiliitsy – potomki ital’ianskikh emigrantov]. *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 78-96 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/78-96>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Mélissa Blanchard | <https://orcid.org/0000-0002-8061-3629> | CNRS, Centre Norbert Elias, 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | melissa.blanchard@univ-amu.fr

Keywords

return migration, nationality, European citizenship, belonging, Chili, Argentina Italy.

Abstract

Building on ethnographic research undertaken in the Trentino region, this article analyses what being a European citizen means for Argentineans and Chileans of Italian descent who emigrate to Italy, and thus to Europe, thanks to the Italian nationality they have inherited from their ancestors. It analyses the different uses and representations associated with dual nationality as well as the scales of belonging that accompany this mobility, showing that the possession of European citizenship is fostering the current resurgence of Italian emigration, including from Latin America. The article also argues that this mobility has brought into question European migration policies, shifting the focus from the rhetoric of border closures to practices of selective immigration. It thus questions the constant redefining of boundaries in Europe between “us” and “them”.

References

- Amselle, J.-L. 1990. *Logiques métisses. Anthropologie de l'identité en Afrique et ailleurs* [Métis logics. Anthropology of Identity in Africa and Beyond], Paris: Payot.
- Balta, E. et Ö. Altan-Olcay. 2015. Strategic citizens of America: transnational inequalities and transformation of citizenship. *Ethnic and Racial Studies*, 39, 6: 939–957.
- Barth, F. (Ed.). 1969. *Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference*, Boston: Little, Brown & Co.
- Blanchard, M. 2017. Observing the multiple intersections of mobilities through return migration in the Alps. *New Diversities*, 19, 3: 75–87.
- Bontemps, V. 2012. *Ville et patrimoine en Palestine. Une ethnographie des savonneries de Naplouse* [City and heritage in Palestine. An ethnography of the soap factories of Nablus]. Paris: Karthala.
- Brubaker, R. 1998. Migrations of Ethnic Unmixing in the “New Europe”. *International Migration Review*, 32, 4: 1047–1065.
- Clarke, J. 2009. Parler de citoyenneté: discours gouvernementaux et vernaculaires [Talking about citizenship: government and vernacular discourses]. *Anthropologie et Sociétés*, 33, 2: 43–62.
- Craith, M. N. 2004. Culture and citizenship in Europe. Questions for anthropologists, *Social Anthropology*, 12, 3: 289–300.
- Dubucs, H., Pfirsch, T., Recchi, E. et al. 2017. Les migrations italiennes dans la France contemporaine [Italian migrations in contemporary France]. *Hommes et migrations*, 1317–1318: 59–67.
- Dubucs, H., T. Pfirsch and C. Schmoll. 2016. Talking about my generation. Emigration and a sense of generation among highly skilled young Italians in Paris, in Murray L., Robertson, S. (Eds.), *Intergenerational Mobilities. Relationality, Age and Lifecourse*, London: Routledge, 78–90.
- Eriksen, T. H. 2004. Place, kinship and the case for non-ethnic nations, *Nations and nationalisms*, 10, 1/2: 49–62.
- Faist, T. 2007. The Fixed and Porous Boundaries of Dual Citizenship, in Faist, T. (Ed.), *Dual Citizenship in*

- Europe: from nationhood to societal integration*. Aldershot: Ashgate, 1–27.
- Fassin, D. 2002. Politiques du corps et reconnaissance de l'altérité. Nouvelles questions posées par l'immigration à la société française [Body policies and recognition of otherness. New questions posed by immigration to French society]. *Recherches Sociologiques*, 2: 59–74.
- Fox, J. E. 2007. From national inclusion to economic exclusion: ethnic Hungarian Labour migration to Hungary. *Nations and nationalisms*, 13, 1: 77–96.
- Gjergji, I. 2015. *La nuova emigrazione italiana. Cause, mete e figure sociali* [The new Italian emigration. Causes, goals and social figures], Venice: Ca' Foscari.
- Glick Schiller, N., N. B. Salazar. 2013. Regimes of Mobility Across the Globe, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 39, 2: 183–200.
- Gluckman, M. 1982. *Conflict and Custom in Africa*. Oxford: Blackwell.
- Graeber, J. 2016. Citizenship in the shadow of the Euro crisis: explaining changing patterns in naturalisation among intra-EU migrants, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42: 1670–1692.
- Groselli, R. M. 2000. *Storie della emigrazione trentina* [Stories of Trentino emigration], Trento: L'Adige.
- Groselli, R. M. 2011. *Un urlo da San Ramon: la colonizzazione trentina in Cile, 1949–1974* [A cry from San Ramon: Trentino's colonization in Chile, 1949–1974], Trento: Fondazione Museo Storico Trentino.
- Harney, N. M. 1998. *Eh, Paesan! Being Italian in Toronto*, Toronto: University of Toronto Press.
- Harpaz, Y. 2018. Compensatory Citizenship: dual nationality as a strategy of global upward mobility, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45, 6: 897–916.
- Harpaz, Y. 2019. *Citizenship 2.0: dual nationality as a global asset*, Princeton, Princeton University Press.
- Harpaz, Y., Mateos, P. 2019. Strategic Citizenship: Negotiating Membership in the Age of Dual Nationality, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45, 6: 843–857.
- Helgert, J., Bevelander, P. 2017. The Influence of Partner Choice and Country of Origin Characteristics on the Naturalization of Immigrants in Sweden: a longitudinal analysis, *International Migration Review*, 1, 51: 667–700.
- Joppke, C. 2003. Citizenship between De- and Re- Ethnicization, *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie*, 44, 3: 429–458.
- Joppke, C. 2005. *Selecting by Origin: Ethnic Migration in the Liberal State*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Joppke, C. 2010. The Inevitable Lightning of Citizenship, *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie*, 51, 1: 9–32.
- Kostakopoulou, T. 2001. *Citizenship, identity and immigration in the European Union. Between past and future*, Manchester: Manchester University Press.
- Lafleur, J. M., Stanek, M. (ed.). 2017. *South- North Migration of EU Citizens in Times of Crisis*, Dordrecht: Springer.
- Lamarche, K. 2019. “Si grand-père savait...”. Le recours des Israéliens ashkénazes aux nationalités européennes de leurs ascendants [“If Grandpa only knew...” Israeli Ashkenazis seeking their ascendants' nationalities], *Genèses*, 116, 3: 27–48.
- Leuchter, N. 2014. Creating Other Options: Negotiating the Meanings of Citizenships, *Citizenship Studies*, 18, 6–7: 776–790.
- Markowitz, F., Stefansson, A. (Eds.). 2004. *Homecomings: unsettling paths of return*, Lanham, MD: Lexington Books.
- Neveu, C. 2004. Les enjeux d'une approche anthropologique de la citoyenneté [For an Anthropological Approach to Citizenship.], *Revue européenne des migrations internationales*, 20, 3: 89–101.
- Noiriel, G. 1995. Socio-histoire d'un concept. Les usages du mot “nationalité” au XIXe siècle [Socio-history of

- a concept. The uses of the word “nationality” in the 19th century], *Genèses*, 20: 4–23.
- Noiriel, G. 2001. *État, nation et immigration. Vers une histoire du pouvoir* [State, nation and immigration. Towards a history of power], Paris: Belin.
- Ong, A. 1999. *Flexible citizenship: the cultural logics of trans-nationality*, Durham: Duke University Press.
- Pastore, F. 2004. A community out of balance: nationality law and migration politics in the history of post-unification Italy, *Journal of Modern Italian Studies*, 9, 1: 27–48.
- Petric, B., Gossiaux, J.-F. 2009. Introduction, in B. Petric, J.-F. Gossiaux, J.-F. (Eds.), *Europa mon amour*, Paris: Autrement: 7–22.
- Radi, L. 1998. *L'élite palestinienne: stratégies de survie et modes d'influence, 1967–1997* [The Palestinian Elite: Survival Strategies and Ways of Influence, 1967–1997], thèse de doctorat en Science politique, Paris: Institut d'études politiques.
- Salzbrunn, M. 2016. Shifting Theories, Methods and Topics: Monika Salzbrunn talks with Ludger Pries about 30 years of migration studies, *Revue européenne des migrations internationales*, 32, 3–4: 231–247.
- Sgritta, G. B. 2002. La transizione all'età adulta: la sindrome del ritardo [The transition to adulthood: the delay syndrome], in Osservatorio nazionale sulle famiglie (dir.), *Famiglie. Mutamenti e politiche sociali*, Bologne: Il Mulino: 11–42.
- Tilly, C. 1995. Citizenship, Identity and Social History, *International Review of Social History*, 40: 1–17.
- Tintori, G. 2011. The Transnational Political Practices of “Latin American Italians”, *International Migration*, 49, 3: 168–188.
- Tsuda, T. 2010. Ethnic Return Migration and the Nation-State: Encouraging the Diaspora to Return “Home”, *Nations and nationalisms*, 16, 4: 616–636.
- Viazzo, P. P. 1998. Migrazione e mobilità in area alpina: scenari demografici e fattori socio-strutturali [Migration and Mobility in the Alpine Area: Demographic Scenarios and Socio-Structural Factors], *Histoire des Alpes-Storia delle Alpi-Geschichte der Alpen*, 3, Mobilité spatiale et frontières: 37–48.
- Waldinger, R., Fitzgerald, D. 2004. Transnationalism in Question, *American Journal of Sociology*, 109, 3: 1177–1195.
- Wilson, T. M., Donnan, H. 1999. Nation, State and Identity at International Borders, in D. Hastings, Wilson, T. M. (ed.), *Border Identities: Nation and State at International Frontiers*, Cambridge: Cambridge University Press, 1–30.
- Wimmer, A., Glick Schiller, N. 2002. Methodological nationalism and beyond: nation-building, migration and the social sciences, *Global Networks*, 2, 4: 301–334.
- Yanasmayan, Z. 2009. European Citizenship: A Tool for Integration?, in Guild, E., Groenendijk, K., Carrera, S. (Eds.), *Illiberal Liberal States: Immigration, Citizenship and Integration in the EU*, Aldershot: Ashgate: 79–98.
- Yanasmayan, Z. 2015. Citizenship on paper or at heart? A closer look into the dual citizenship debate in Europe, *Citizenship Studies*, 19, 6–7: 785–801.
- Yanasmayan, Z. 2019. *The Migration of Highly Educated Turkish Citizens to Europe: From Guestworkers to Global Talent*, London: Routledge.